

Персидское завоевание Месопотамии в 539 г. до н.э. не оказало значительного влияния на аккадскую литературу. Лишь немногие аккадские литературные сочинения могут быть отнесены к персидскому периоду. Среди них выделяется тщательно составленный отчет о вступлении Кира II в Вавилон, написанный от имени самого царя. Клинописная традиция копирования литературных произведений, составления гадательных текстов, астрономических сочинений и т.д. продолжалась и в это время. Заметное развитие в Вавилонии эллинистического периода получило составление клинописных текстов, в которых аккадские и шумерские слова сопровождались греческой транскрипцией – ассириологи называют их текстами *Graeco-Babyloniaca*. В этот заключительный период истории месопотамской цивилизации знание клинописи и шумеро-аккадской литературы стало достоянием узкого круга людей. Тем не менее использование клинописи для записи астрономических наблюдений продолжалось до раннехристианского времени.

М.А. Дандамаев, Н.О. Чехович

© 2010 г.

K. SCHMIDT. Sie bauten den ersten Tempel. Das rätselhafte Heiligtum der Steinzeitjäger. Die archäologische Entdeckung am Göbekli Tepe. München: C.H. Beck, 2006. 282 S.

Одним из неординарных памятников Верхнего Двуречья, который стал широко известен научной общественности за последние 15 лет (главным образом по предварительным публикациям и докладам на конференциях), является Гёбекли Тепе, функционировавший на стыке эпох древнего и нового каменного века. Книга руководителя раскопок, эксперта Восточного отделения Немецкого Археологического института, доктора Клауса Шмидта «Они строили первые храмы. Таинственное святилище охотников каменного века. Археологическое открытие Гёбекли Тепе» из первых рук и впервые позволяет читателю получить целостную картину истории археологического изучения объекта, имеющихся к моменту издания монографии важнейших результатов полевых работ, а также выводов и размышлений автора на данную тему. Основная часть текста снабжена планами, прорисовками, фотографиями, многие из которых публикуются впервые. Прекрасно владея информацией, в том числе новейшей, по ближневосточным культурам каменного века. К. Шмидт представляет материалы Гёбекли Тепе в соотношении с сопоставимыми данными других памятников Передней Азии и, прежде всего, Южного Тавра. Не случайно в конце монографии даны обширная библиография, словарь терминов, предметный указатель, а также указатели имен, археологических мест и географических названий. Рецензируемая книга не является строго научным изданием в привычном его понимании, обобщающим отчетом о проведенных раскопках с картами и таблицами в приложениях. Она написана в стиле знаменитого археологического бестселлера К.В. Керма «Боги, гробницы, ученые». Разница в том, что автор рецензируемой работы – профессиональный археолог, не одно десятилетие работающий с представляемым материалом. Соответственно, многие страницы отражают его личный опыт, несут воспоминания о конкретных моментах из жизни, передают субъективный взгляд Шмидта на ряд вопросов. Все эти нюансы делают чтение увлекательным.

В I главе излагаются события повторного открытия Гёбекли Тепе. Оно было осуществлено в октябре 1994 г. разведочной группой, целью которой являлось обследование памятников каменного века в вилайете Урфа (Юго-Восточная Турция). В самой высокой точке исследуемого известнякового плато ученые обнаружили мощный холм искусственного происхождения, имеющий несколько вершин с видневшимися между ними впадинами. Необычное топографическое положение, размеры Гёбекли Тепе, наличие среди подъемного материала большого количества кремневых осколков и характерных изделий из кремня, крупных фрагментов обработанных известняковых объектов, в том числе узнаваемых частей Т-образных стел, к тому времени уже известных по раскопкам докерамического поселения Невали Чори, отсутствие следов керамики – все это убедило исследователей в ранненеолитическом возрасте и чрезвычайной археологической важности осматриваемого телля (с. 13–17). Интересно, что впервые памятник был зафиксирован как объект каменного века и кратко описан американским археологом Питером Бенедиктом в обзорном сообщении по результатам разведки 1963 г. Однако тогда особый характер и значение данного пункта определены не были.

Природно-климатическому описанию города Шанлиурфы и его окрестностей, с несколькими историческими отступлениями, посвящен один из разделов I главы (с. 18–22).

Глава II «Находки, исследователи, специальные понятия» вводит читателя, далекого от вопросов переднеазиатской археологии, в курс дела, а также знакомит с методами и главными вехами исследований ближневосточного неолита. Подробнее автор останавливается на современных методах в работе археолога и на периодизации дописьменных культур Ближнего Востока.

Выделение в 1952 г. Кэтлиной Кэньон в неолитическом слое Иерихона докерамических слоев, т.е. остатков поселения нового каменного века без каких-либо следов керамики, и последовавшую затем реакцию научной общественности Шмидт называет «иерихонским шоком». Действительно, поздний каменный век без керамических сосудов просто не укладывался в сознании современников Кэньон. На материале Иерихона исследовательница выделила древний и новый докерамические слои, назвала их, соответственно, докерамический неолит А и В (Pre-Pottery Neolithic A and B, отсюда сокращения PPNa и PPNB). Далее Кэньон классифицировала два более поздних слоя, в которых керамика уже появляется в качестве важного показателя, как керамические слои нового каменного века А и В (Pottery Neolithic A and B или в сокращении – PNA и PNB). Все эти обозначения и стоящая за ними периодизация неолитической эпохи в настоящее время широко используются, получив абсолютные хронологические даты и еще более дробное деление на подпериоды¹. Вместе с тем определение Кэньон неолитического Иерихона в качестве древнейшего города, а остатков там каменной стены и башни – как оборонительных сооружений Шмидт ставит под сомнение. Он склоняется к широко обсуждаемой сейчас², но не единственной альтернативной, версии о ритуальном назначении башни, как и других участков неолитического Иерихона. Наиболее выразительные свидетельства этого – моделированные черепа и крупноформатные человеческие фигуры, выполненные из тростника и гипса. Их близкие аналоги были обнаружены при раскопках Айн Гхасалия, иорданского памятника эпохи неолита, который дал богатый сопоставимый с Иерихоном материал о ритуальной жизни того времени. Находки моделированных черепов в пещере Нахал Хемар и других местах показали, что восстановленные черепа позднего докерамического и керамического неолита могут встречаться с разными вариациями оформления. Анализ сопутствующих данных и самих остеологических останков свидетельствует, что только избранные черепа подвергались процедуре восстановления. Опираясь на наблюдения израильского коллеги Иосифа Гарфинкеля, Шмидт пишет: «...определенная группа людей вследствие бросающихся в глаза признаков (особая форма черепа?) уже при жизни была предназначена для особых задач – активных (в качестве исполнителей культа) или пассивных (в качестве жертв). Любопытно распределение по возрастным группам остеологических находок Чейеню, сделанное антропологом Рёпер-Эртлем: все восстановленные черепа принадлежат только молодым людям или взрослым, но ни одного – действительно старым. Сформулированный на основании этого вывод в любом случае не совпадает с мнением подавляющего большинства исследователей о проявлении здесь “культа предков”. Детали скорее указывают на особое обращение с телами отдельно избранных мертвых, которым в обществе отводилась особая функция и черепа которых подвергались уже описанной специальной обработке, а потом использовались как объекты культа»³ (с. 42–43). Шмидт отмечает важные параллели для этих практик в Центральной Европе (на юге Германии), где находки человеческих черепов, положенных отдельно от тел, хотя и немного «моложе» свидетельств докерамического неолита Ближнего Востока, но в целом соответствуют им, поскольку принадлежат сопоставимому с эпохой PPN Передней Азии европейскому верхнему мезолиту (с. 42–44). Весьма обстоятельно данный вопрос рассматривался в работе В.А. Алекшина⁴. В частности, В.А. Алекшин более дифференцированно подходит к определению содержания осуществлявшихся в разных случаях ритуалов с черепами.

¹ Подробнее: Корниенко Т.В. Первые храмы Месопотамии. СПб., 2006. С. 19–20.

² Bar-Yosef O. The Walls of Jericho: An Alternative Interpretation // *Current Anthropology*. 1986. 27. P. 157–162; Hachmann R. Die «Befestigungen» des akeramischen Jericho // *Baghdader Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts*. 25. B., 1994. S. 19–74; Мепнепт Н.Я. Очерки археологии библейских стран. М., 2000. С. 67–83; Aurenche O. La tour de Jéricho, encore et toujours // *Syria*. 2006. 83. P. 63–68.

³ Здесь и далее перевод с немецкого Александра Степановича Пашенко, которому автор рецензии выражает искреннюю признательность за длительное и плодотворное сотрудничество.

⁴ Алекшин В.А. Черепа людей в обрядах неолитических земледельцев Юго-Западной Азии // Памятники древнего и средневекового искусства. Проблемы археологии. Вып. 3. СПб., 1994. С. 59–78. См. также: Stordeur D., Khawam R. Les crânes surmodelés de Tell Aswad (PPNB, Syrie). Premier regard sur l'ensemble, premières réflexions // *Syria*. 2007. 84. P. 5–32; Khalaily H., Milevski I., Getzov N., Hershkovitz I., Barzilai O., Yarosevich A., Shlomi V., Najjar A., Zidan O., Smithline H., Liran R. Recent Excavations at the Neolithic Site of Yiftahel (Khalet Khalladyiah), Lower Galilee // *Neo-Lithics*. 2008. № 2. P. 3–11.

Отдельный раздел II главы посвящен истории исследований зоны так называемого Плодородного полумесяца и «холмистых флангов», начатых Робертом Брейдвудом еще в конце 40-х годов XX века. Автор подчеркивает роль Верхней Месопотамии в процессе становления неолитических обществ в противовес господствовавшей недавно «левантоцентристской» теории (с. 48–49). Работы группы «Доисторического проекта» в обширной зоне Плодородного полумесяца оказали влияние на многие важные начинания в сфере исследований неолитических культур для ряда соседних территорий.

Подробнее Шмидт останавливается на анатолийском Чатал Хююке. Его раскопки, начатые Джеймсом Меллаартом в первой половине 60-х годов прошлого века, и его опубликованный в 1967 г. в виде монографии отчет явились настоящей сенсацией для современников. Чатал Хююк, несомненно, – памятник исключительной важности. Он относится к периоду керамического неолита и моложе иерихонской башни более чем на две тысячи лет. Керамическая посуда тогда уже была известна. Однако, как замечает Шмидт, ее свидетельства встречаются среди находок Чатал Хююка в незначительном количестве и не играют пока определяющей роли в общей картине материальных свидетельств. По его мнению, на передний план здесь выходят культурные традиции, характерные еще для времени докерамического неолита (с. 52). В отношении интерпретации основного содержания уникальных находок Чатал Хююка Шмидт отмечает единодушие среди специалистов. Сам автор книги считает сокращение неолитического мира символов до доминант *Женщина*, *Мужчина*, *Жизнь* и *Смерть* несколько упрощенным пониманием иконографии. Устоявшиеся со времен Меллаарта конкретные интерпретации для некоторых элементов внутреннего оформления помещений Чатал Хююка, таких, например, как рельефные изображения «рожающей богини» и выступающие из стен «женские груди» с вмурованными в них черепами, когтями, клювами и челюстями птиц и животных, для Шмидта также представляются весьма спорными (с. 53–54). Заслуживает внимания наблюдение Шмидта об отсутствии в мире символов Чатал Хююка отражений сельскохозяйственного образа жизни, при том, что на данном памятнике доказано наличие 14 различных видов культурных растений. Обнаруженные кости животных также свидетельствуют, что жители держали крупный рогатый скот, который, несомненно, был для них важной экономической составляющей. Тем более удивляет то обстоятельство, что эти животные не получили пропуска в мир символов. Среди многочисленных зооморфных изображений есть дикие крупнокопытные, первобытный бык, однако нет одомашненных животных. «Если жители Чатал Хююка действительно увековечивали посредством искусства свою охотничью добычу, то мы, наверное, исходя из этого можем полагать, что в сознании своем они еще не совсем освоили новую реальность – какой бы ни была их повседневная жизнь. Если судить о них по настенным картинам, то в любом случае они не занимались (исключительно) домом и двором. Им еще снились старые сны охотников» (с. 56).

В 1993 г. под руководством Яна Ходдера начался новый проект по исследованию Чатал Хююка, посвященный преимущественно уточнению деталей раскопок Меллаарта. Работы Ходдера подтвердили особую роль Чатал Хююка в каменном веке Анатолии. Памятник по-прежнему рассматривается как уникальный археологический комплекс с многочисленными предметами культа. История Чатал Хююка начинается со второй половины VIII тыс. до н.э., а культура достигает расцвета в VII–VI тыс. до н.э. История же Гёбекли Тепе своими корнями уходит в X тыс. до н.э. Он относится к другому, значительно более древнему миру, в котором многое из того, что в Чатал Хююке являлось уже устоявшейся основой человеческой деятельности, должно было еще быть изобретено и осмыслено. Однако определенная связь между этими двумя культурными и символическими традициями, безусловно, улавливается.

Говоря об исследованиях северомесопотамского памятника Чейеню, начатых в 60-х годах прошлого века и продолжавшихся более 20 сезонов, Шмидт констатирует, что сегодня эта археологическая площадка относится к наиболее значительным неолитическим поселениям Передней Азии. Особенно примечательны здесь многочисленные строительные остатки, среди которых были выявлены убедительные свидетельства функционирования неординарных сооружений общественного назначения – «Здания с плитами», «Здания с мозаичным полом» и «Дома черепов»⁵.

Открытие в 1979 г. и дальнейшие исследования Неваля Чори серьезно уточнили и расширили имевшиеся к тому времени знания о верхнемесопотамском докерамическом неолите, полученные в ходе раскопок на Чейеню и других поселениях. Кроме того, они во многом подготовили будущее восприятие материалов Гёбекли Тепе. Главным объектом внимания Шмидта становится северо-западный участок раскопа, где в некотором отдалении от основной части поселения были открыты остатки трех последовательно функционировавших специфически оформленных монументальных сооружений (Строения I, II, III), приемы строительства которых, планировка и интерьер во многом соотносимы с подобными характеристиками общественных зданий Чейеню. Довольно подробно

⁵ Данный материал подробно рассмотрен в кн.: *Корниенко*. Первые храмы... С. 44–57.

автор рассматривает внутреннее заполнение и архитектурные элементы этих декорированных выдающимися экземплярами искусства эпохи поздней первобытности сооружений Невали Чори. Среди таких объектов присутствуют замечательные образцы крупноформатной скульптуры, неоднократно представленные антропоморфными и смешанными («человек-птица», «человек-змея») существами, а также целые скульптурные композиции из нескольких фигур (так называемый «тотемный столб» и др.). Тем не менее доминирующими элементами данных помещений явились определенного вида монолитные прямоугольные в срезе, несущие на себе рельефы Т-образные стелы из известняка, достигающие 3 м высоты (с. 72–79). Лучше других сохранившееся строение верхнего слоя включало в свое основание остатки предшествовавших ему сооружений того же плана. Оно показало в примыкающей к стенам скамье следы 10 однотипных столбов Т-образной формы. В центре помещения находились два самых мощных и высоких Т-образных столба, судя по всему, с рельефами того же вида, что и у стел, вмурованных в примыкающую к стене скамью. Общий облик одной из центральных стел, разбитой на две части, а также и остальных подобных ей, но сохранившихся лишь фрагментарно столбов, хорошо реконструируется. На плоском рельефе широких боковых сторон плиты просматриваются очертания двух слегка согнутых в локтях рук, которые на передней узкой стороне продолжают V-образно сложенными и соприкасающимися кистями. Т-образная капитель столба обозначает вид головы в профиль, а сама стела изображает фигуру человекоподобного существа в сильно стилизованном виде. Выполненные подобным образом стелы, впервые обнаруженные на рассматриваемом памятнике, впоследствии были открыты и на других раннеолитических площадках. В литературе они получили название «стел типа Невали Чори».

В рецензируемой работе Шмидт впервые вводит понятие «стола» для определенных элементов рельефного оформления стел типа Невали Чори. Речь идет о двух прямо и параллельно друг другу спускающихся от «шеи» выступающих полос на передней узкой грани стержня. Полосы эти не примыкают друг к другу, а образуют между собой свободное пространство. С анатомической точки зрения, по мнению Шмидта, рельефные полосы передней стороны стержня столбов объяснению не поддаются. Он пишет, что по виду это одежда, напоминающая столу католического священника. Идущие сверху вниз ленты синхронно загибаются чуть выше над положенными на живот кистями рук. В области шеи описываемые полосы V-образно соединены, так что, считает Шмидт, они изображают одежду, завязанную на шее и спадающую по обеим сторонам тела (с. 73)⁶. Такая гипотеза, на наш взгляд, сомнительна. В частности, она не подтверждается более реалистичными скульптурными изображениями антропоморфов, сопоставимыми со стелами типа Невали Чори. Одно из них происходит из раннеолитических слоев старого центра города Шанлиурфы, другое – случайная находка в северо-западной – по отношению к Урфе – провинции Адияман⁷. Никаких признаков одежды, похожей на «столу», на этих реалистичных изображениях не наблюдается, тогда как согнутые в локтях руки со сложенными на животе ладонями, статичность фигур, V-образное оформление шеи и – для стелы из Адиямана – подчеркнуто Т-образный профиль, безусловно, повторяют иконографические каноны столбов типа Невали Чори. Более вероятной представляется изначальная интерпретация руководителя раскопок Г. Хауптмана рельефно выделенных на передней грани стержня полос в качестве демонстрации тех же согнутых рук, показанных на широких плоскостях. На передней стороне они (в соответствии с боковым и анфасным вариантом) заканчиваются тщательно проработанными пятипалыми кистями⁸. Данный стилистический прием понятен, учитывая весьма схематичное в геометрических формах представление человекоподобных фигур прямоугольными в срезе плитами. Если следовать интерпретации Хауптмана, зритель должен был видеть изображение рук и в профиль и анфас. Это в целом способствовало закреплению антропоморфного восприятия стелы, а также акцентировало внимание, собственно, на положении рук этих человекоподобных существ – жесте, который четко повторяется и в более реалистичных скульптурных изображениях раннеолитического периода.

⁶ Впоследствии эта мысль будет проводиться автором и в других, уже строго научных публикациях. См., например: *Schmidt K.* Die steinzeitlichen Heiligtümer am Göbekli Tepe // *Colloquium Anatolicum* VII. İstanbul, 2008. S. 62.

⁷ *Çelik B.* An Early Neolithic Settlement in the Center of Sanlıurfa, Turkey // *Neo-Lithics: a Newsletter of Southwest Asian Lithics Research*. Vol. 2–3. B., 2000. S. 4–6. Fig. 2; *Hauptmann H.* Ein frühneolithisches Kultbild aus Kommagene // *Gottkönige am Euphrat. Neue Forschungen und Funde aus Kommagene*. Mainz am Rhein, 2000. S. 4–13. Add. 9a–d; *Корниенко Т.В.* Три антропоморфные стелы из провинциальных музеев Юго-Восточной Турции как свидетельства эпохи докерамического неолита на Евфрате // *Случайные находки: хронология, атрибуция, историко-культурный контекст. Материалы тематической научн. конф.* СПб., 2008. С. 140–144. Рис. 1а, д.

⁸ *Hauptmann H.* Ein Kultgebäude in Nevalı Çori // *Between the Rivers and over the Mountains*. Roma, 1993. P. 48–51. Tab. 9–12, 16.

В 1994 г., незадолго до повторного открытия Гёбекли Тепе, в непосредственной близости от г. Шанлиурфа была обнаружена большая докерамическая площадка Гюркютепе. В ее пределах находятся не менее четырех холмов-поселений. Шмидт подчеркивает, что в коллекции остеологических материалов этого памятника многие виды показали наличие ранних признаков одомашнивания, которые среди данных более древнего Гёбекли Тепе полностью отсутствуют. Богатый список животных, засвидетельствованный для Гёбекли Тепе, охватывает исключительно дикие виды. Аналогичная картина наблюдается при оценке ботанического материала: культурные растения в Гюркютепе хорошо определяются, однако они отсутствуют в Гёбекли Тепе. На этом основании Шмидт приходит к выводу: свидетельства обитания Гёбекли Тепе не просто старше, чем Гюркютепе, – дело в том, что люди этой местности имели другие привычки в питании и продовольствием они обеспечивали себя другими способами. Таким образом, «долинное поселение» Гюркютепе демонстрирует еще более острый контраст с «горным поселением» Гёбекли Тепе. Они, заключает Шмидт, воплощают два противоположных типа поселений раннеолитической эпохи (с. 82–90). В этом случае следует напомнить, что степень проявления характерных признаков от начала до окончания процессов доместикации и культивации различна. Выразительность их для конкретных видов растений и животных и для конкретных ступеней указанных процессов далеко не идентична. Соответственно, резко различны и возможности их определения. Особую сложность представляет вопрос о начальных ступенях процессов⁹, о чем знают современные археозоологи и археоботаники: определение начальных ступеней процессов доместикации и культивации на основании морфологических или каких-либо иных показателей практически невозможно. Поэтому говорить о создателях Гёбекли Тепе категорично лишь как об охотниках и собирателях, при опоре только на палеозоологические и палеоботанические данные – мысль, которую Шмидт неоднократно подчеркивает во многих своих работах, на наш взгляд, сейчас преждевременно. Следует продолжить комплексные исследования в этом направлении. Есть вероятность того, что люди, участвовавшие в сооружении построек Гёбекли Тепе, уже предпринимали попытки доместикации и культивации некоторых видов животных и растений.

Главу III «Гёбекли Тепе» автор начинает с объяснения турецкого названия памятника, перевода его дословно как «Холм-Живот» или «Пуповинная Гора» (с. 92). Пробный раскоп был заложен на юго-восточном склоне телля, где под поверхностным слоем обнаружен участок каменной кладки, вертикально установленные каменные Т-образные столбы и остатки четырех покрытий мозаичных полов, уложенных непосредственно друг на друга. Этот трудоемкий способ устройства пола и использование ортостатов в Чейеню и Невали Чори ограничивается лишь очень немногими специальными сооружениями. Но для архитектуры Гёбекли Тепе трудоемкие мозаичные покрытия и Т-образные столбы оказались «обычным случаем» для большинства строений. В сезон 1995 г. было уточнено время заселения памятника: каменные орудия продемонстрировали спектр типов, характерных для эпохи PPN A, а также для ранней и средней фаз эпохи PPN B (с. 102).

Среди находок, собранных на поверхности телля и в его окрестностях во время первых кампаний, были обнаружены до сих пор не известные еще группы каменных предметов. В частности, это фрагменты мощных известняковых колец с диаметром более полуметра (с. 93–94) и каменные плиты прямоугольной формы, с закругленными углами и с большим отверстием в центре. Плиты имеют монументальную длину кромки по периметру (примерно 3 × 3 м). На одной из широких сторон их поверхности ровные, в то время как на другой стороне имеются возвышающиеся тщательно сделанные окантовки, обрамляющие отверстие. Данные признаки характеризуют большое количество соответствующих объектов, находимых на поверхности телля и при раскопках. Обнаружены также их миниатюрные копии. Исследователи памятника предполагают, что, возможно, плиты с отверстиями использовались в качестве своеобразных дверных проемов или поддерживающих снизу устройств для установки стел (с. 104–105). Однако следует признать, что ни разу такие плиты в положении *in situ* зафиксированы не были, соответственно, функциональное их назначение пока не поддается уверенной интерпретации. Нигде, кроме Гёбекли Тепе, подобные изделия до сих пор не обнаружены.

Также на поверхности телля выявлено довольно много фрагментов столбов и крупноформатных скульптур из известняка, таких, что были известны до этого только по данным Невали Чори. Среди них на Гёбекли доминируют изображения диких опасных животных, итифаллических протом, повторяющиеся мотивы «животного и человеческого головы» (с. 92–100). На западной окраине холма по остаткам большого количества кремневых отходов и известняковой крошки, а также по фрагментам

⁹ Мерперт Н.Я., Гуляев В.И. Послесловие // Ламберг-Карловски К., Саблов Дж. Древние цивилизации. Ближний Восток и Мезоамерика. Москва–Новосибирск, 1992. С. 320–321; Watkins T. von. Der Naturraum in Anatolien. Ein Zusammenspiel von Klima, Umwelt und Ressourcen // Vor 12.000 Jahren in Anatolien. Die ältesten Monumente der Menschheit. Karlsruhe, 2007. S. 42.

готовых изделий определено местонахождение мастерской древнего скульптора (с. 111), очевидно, одной из действовавших в свое время на Гёбекли Тепе.

Обследование поверхности окружающего скалистого плато показало, что большинство созданных здесь человеком структур представляют собой неолитические каменоломни (с. 102–108). Однако одна площадка, расположенная вне телля, на юго-западном плато, углубленная в скалу, напоминает своими размерами и планировкой культовое Строение III Невали Чори. Судя по ее оформлению, рассматриваемой структуре Гёбекли Тепе отводились сравнимые функции, в связи с чем эта конструкция с примыкающими к ней вырубленными в скале помещениями и получила название «Скального храма» (по полевой документации – Сооружение Е). Помимо вышеотмеченного, на скалистой поверхности юго-восточного плато была обнаружена группа трех схожих рельефных изображений фаллоса. В небольшой разрушившейся пещере на западной кромке разлома выявлен рельеф быка в миниатюрном исполнении (с. 109–111).

После 1995 г. основная область раскопок переместилась на южный склон телля, где в настоящее время исследуются четыре больших круглоплановых сооружения А–D¹⁰, относящихся к древнейшему слою III, датируемому X тыс. до н.э.¹¹ Первой открытой в 1996 г. строительной структурой явилось Сооружение А, или «Здание со змеями». В плане оно скорее прямоугольное, однако северо-западная стена представляет собой полукруглый (апсидообразный) выступ. «Здание со змеями» пережило две фазы перестройки и заметно изменялось со временем, сохраняя при этом свои основные характеристики (с. 112–115). Центральными столбами являются Т-образные столбы 1 и 2, каждый высотой более 3 м. Они раскопаны не полностью, до уровня каменной скамьи. Оба столба украшены рельефами. Некоторые из этих изображений и дали название постройке. Так, рельеф на левой стороне стержня столба 1 показывает сетчатое переплетение змей, под которым видна фигурка барана. На передней стороне столба имеется «стола», на которой изображены пять змей (с. 120–122). Столб 2 на правой стороне стержня несет рельефы трех расположенных друг под другом фигур: быка, лисы и журавля, а на задней узкой стороне – букранию (с. 122–124). Интересное наблюдение делает исследователь, обращая внимание на длинные ноги журавля, согнутые в довольно странном, невозможном для птицы положении, напоминающем человеческие ноги, согнутые в коленях. Люди того времени хорошо знали окружающую природу, от которой в большой степени зависело их выживание. Соответственно, они не могли ошибиться, передавая эту деталь, и возможно, журавль – вовсе не журавль, а перодеотный человек, замечает Шмидт (с. 124). И поскольку впоследствии были обнаружены несколько других рельефных изображений журавля с «человеческими коленями», попытка рассмотрения данного феномена с точки зрения шаманизма, на наш взгляд, заслуживает большого внимания.

Из четырех других раскопанных на момент написания книги столбов, располагавшихся вокруг центральных стел 1 и 2, столб 5 на «животе» оказался украшен рельефом ползущей змеи (с. 125). Уже при исследовании Сооружения А, как отмечает Шмидт, стало понятно, что столбы не выполняли первичной архитектурной функции, – например, в качестве опор или контрфорсов; они, скорее, сами являлись наиболее существенной частью всего сооружения (с. 116). Имея в виду наличие среди находок Гёбекли Тепе стел типа Невали Чори с выполненными в плоском рельефе руками и кистями рук, а также учитывая некоторые другие наблюдения, Шмидт полагает, что все Т-образные столбы следует воспринимать как образы неких антропоморфных существ (с. 117). Вопрос: «кого воплощали собой эти каменные столбы?» в настоящее время остается открытым и остро дискуссионным. В любом случае, судя по их множественности, стандартности, нарочитой стилизованности и безликости, похоже, это не были изображения персонифицированных богов или конкретных особо почитаемых в племенном союзе (племени, роде, семье) выдающихся предков.

В заполнении Сооружения А обнаружены скульптуры из известняка, преимущественно зооморфного вида, и их фрагменты. Автор отмечает, что в собранной коллекции полностью отсутствовали две категории объектов, характерных обычно для неолитических поселений: глиняные изображения женских символов и женских фигур. Если связывать женские глиняные фигуры и женские символы в широком смысле с плодородием и, в конечном счете, с «жизнью», то отсутствие их на Гёбекли Тепе выдвигает на первое место наличие необходимого для понимания памятника явственного ее двойника-антипода – «смерть» и, соответственно, общение местного населения с этой антропологической величиной. Правда, еще не обнаружены сами могилы, которые могли бы подтвердить данное объяснение. Но пока почти еще и не вскрывались те слои, в которых могут находиться сделанные под

¹⁰ Название столбов и сооружений памятника, как правило, осуществлялось по мере их обнаружения. Сооружения обозначены большими латинскими буквами, а столбы – цифрами.

¹¹ Точнее – Pre-pottery Neolithic A, т.е. временем 9600–8800 лет до н.э., даты калиброванные (Schmidt, Die steinzeitlichen Heiligtümer... S. 60).

полами захоронения, относящиеся к докерамическому неолиту, или быть выявлены находки, подобные упоминавшемуся «Дому черепов» Чейеню. В целом, пользуясь такими малоубедительными, с нашей точки зрения, «доказательствами от противного», Шмидт заключает, что в Гёбекли Тепе перед исследователями открылся монумент культа мертвых (с. 126–127). Данное заключение к настоящему времени не подтверждается имеющимися материалами и требует дальнейших уточнений.

В отличие от Сооружения А Сооружение В округлое в плане или, если точнее, полигональное. Внутренний диаметр составляет почти 10 м. В окружающей стене обнаружено семь столбов. По-видимому, был и восьмой, но он разрушен. Вместе с центральными общее число столбов предположительно десять-двенадцать. Северный участок конструкции раскопан пока не полностью. Разная высота стел, их расположение ставят на повестку дня вопрос: можно ли воспринимать Сооружение В как здание, имевшее крышу, или это было открытое небу строение? (с. 128). Интересно, что расположение раскопанных в 1998 г. столбов Сооружения В и ориентация их Т-наверший стали хорошими помощниками для понимания столбов 1–5 как центральной части Сооружения А (с. 129–130). Данное обстоятельство, как и другие согласующиеся черты, улавливаемые в планировке строений, свидетельствуют о том, что различные постройки III слоя Гёбекли Тепе надо рассматривать в качестве единого хорошо продуманного архитектурного комплекса. Важной характеристикой всех этих сооружений являются два стоящих в центре мощных Т-образных столба. Вокруг них расположено несколько подобных, однако значительно меньших по размерам стел, которые соединены каменными стенами и во многих случаях оказываются вмурованными в примыкающую к этим стенам по периметру каменную скамью. Судя по сохранности самих построек, обнаружению большинства столбов в положении *in situ*, по внутреннему заполнению помещений, стратиграфической картине памятника, весь этот комплекс после определенного периода использования был преднамеренно засыпан. Обряд «погребения» отдельных сооружений после завершения периода их функционирования хорошо известен и по другим материалам дописанных культур Верхнего Двуречья. Однако такой трудоемкий процесс в отношении сразу нескольких монументальных конструкций, занимающих большую площадь, фиксируется впервые.

В Сооружении В столбы 9 и 10 образуют центральную пару. На обращенных друг к другу их боковых сторонах находятся рельефы, изображающие в натуральную величину прыгающих в южном направлении одинаковых лисиц. В мозаичном полу перед столбом 9 оказалась вмурованной каменная чаша. Маленький канал отходит от этого сосуда. Исследователи памятника предварительно определяют данное вместилище и аналогичные ему объекты, выявленные во время раскопок, в качестве «жертвенных чаш» (с. 133). Примечательно, что в древнейших уровнях «Здания с мозаичным полом» Чейеню и Строения II Невали Чори, в угловой части этих построек также сохранились следы каналов и специально оформленных углублений в полу. Назначение данных конструкций остается не вполне ясным, но можно предположить, что оно связано со специальным назначением самих зданий. Кроме того, в северосирийском ранненеолитическом поселении Телль Абр 3 на полу общественного круглопланового строения В2 рядом с массивной оформленной плитами скамьей найдены два углубления. От обоих по направлению к центру здания вели каналы¹². Приведенные примеры дают весьма любопытные параллели с «жертвенными чашами» и связанными с ними каналами из сооружений Гёбекли Тепе. Они свидетельствуют о проведении во всех этих, по многим параметрам сопоставимых между собой, строениях общественного назначения похожих обрядовых действий с использованием жидкостей.

Обращают на себя внимание процарапанные рисунки животных на западной стороне столба 10, располагающиеся ниже уровня рельефной фигуры лиса. Судя по всему, они не относятся кначальному времени украшения стелы, отмечает Шмидт (с. 133). Действительно, их создание отличается по скорости, стилю и методу нанесения от более монументального декора стел рельефами. Подобные свидетельства известны по материалам сопоставимых по возрасту докерамических общественных сооружений ЕА 53 и ЕА100 Жерф эль Ахмара, В2 Телль Абра 3 (Северная Сирия). Там процарапанные рисунки, в том числе антропоморфного и зооморфного содержания, выявлены на центральных столбах (ЕА 53), а также на плитах скамьи, примыкающей по периметру к стенам этих круглоплановых строений (ЕА 53, ЕА100, В2)¹³. С большой долей вероятности можно предположить, что созда-

¹² Kornienko T.V. Notes on the Cult Buildings of Northern Mesopotamia in the Aceramic Neolithic Period // *Journal of Near East Studies*. 2009. 68/2. P. 88, 96.

¹³ Stordeur D., Brenet M., Der Aprahamian G. et J.-C. Roux. Les bâtiments communautaires de Jerf el Ahmar et Mureybet horizon PPNA (Syria) // *Paléorient*. 2001. 26/1. P. 40; Yartah T. Tell 'Abr 3, un village du néolithique précéramique (PPNA) sur le Moyen Euphrate. Première Approche // *Paléorient*. 2004. 30/2. P. 144–154. Fig. 9–13.

ние таких рисунков происходило уже на месте во время коллективных собраний и имело магический смысл.

Не считая изображений лис на центральных столбах, только на двух других стелах Сооружения В Гёбекли Тепе также имеются рельефы. На столбе 14, на правой стороне, зафиксирован не совсем ясный мотив, поскольку значительная часть его находится в стене. На задней части навершия столба 6 обнаружено изображение животного с круглой совершенно безликой головой, которого автор соотносит с другими рельефами «четвероногих рептилий» Гёбекли Тепе, а также с процарапанными на каменных плитках Телль Абра рисунками пантер или леопардов. Шмидт полагает, что перед нами один и тот же мотив, вот только кто это – рептилии или дикие представители семейства кошачьих, остается неясным (с. 136–137)¹⁴. Более того, он сравнивает данные фигуры с известными изображениями «рожающей богини» из Чатал Хююка. Шмидт считает, что есть много оснований сомневаться в интерпретации Меллаарта, и на самом деле речь там идет не о «богине», но о подобном животном. А в этом случае в качестве объяснения направленности ритуальной сферы Чатал Хююка остается, по его мнению, также прежде всего культ мертвых – Totenkult (с. 138–139). Однако стоит заметить, что изображения животных из Телль Абра 3, о которых вспоминает автор, помимо соответствующего рисунка шерсти четко показывают характерные уши и вытянутые лапы с когтями¹⁵, что и позволяет определенно идентифицировать их как представителей семейства кошачьих, а не рептилий. Поскольку существа на рельефах Гёбекли Тепе не имеют признаков шерсти, ушей и когтей, лапы их согнуты, то, вероятно, это говорит все же в пользу версии о ползущих или сидящих на камнях рептилиях. Что же касается изображений «рожающей богини» Чатал Хююка, то там отсутствуют хвосты, обязательно имеющиеся у обсуждаемых персонажей в Гёбекли Тепе и Телль Абра 3. Таким образом, во всех трех случаях, очевидно, представлены изображения различных существ.

Говорить о посвящении Чатал Хююка однонаправленно культу мертвых, на наш взгляд, нет оснований. Вместе с тем стоит отметить, что в 2005 г. в Чатал Хююке была обнаружена полностью сохранившаяся печать в форме животного (вероятно медведя) в характерной для «рожающей богини» позе, с хорошо обозначенными пуповиной, головой и лапами. Данное открытие дало повод предположить, что известные настенные изображения передавали не фигуры богинь, но животных¹⁶. Если это так, то многие теории о матери-богине ставятся под сомнение. И тогда для Чатал Хююка на первый план выступает гипотеза о почитании здесь тотемных животных.

Продолжая развивать свою мысль о вероятном посвящении Чатал Хююка, башни Иерихона и строений Гёбекли Тепе культу мертвых, Шмидт замечает, что по своему удаленному и возвышенному расположению круглоплановые сооружения Гёбекли Тепе стали бы идеальными дахмахами для зороастрийской традиции погребения (с. 139–140). Автор обращает внимание также на некоторые другие известные круглоплановые конструкции – Стоунхендж, «каменные дома» Зимбабве, сардинские нураги (с. 141–145), вид которых в контексте изучения материалов Гёбекли Тепе дает простор интересным ассоциациям, но не более того.

Сооружение С состоит из не менее трех концентрически выстроенных круговых стен. Здесь многие поверхности заняты изображениями кабанов, поэтому еще его называют «Домом кабанов». Такое название не совсем уместно, что отмечает сам Шмидт, поскольку вероятность перекрытия в прошлом именно у этого очень большого сооружения с его внушительным более 30 м диаметром вызывает сомнения. Помимо встреченных здесь зооморфных изображений (кабаны, птицы, лис), на передней стороне стержня столба 28, непосредственно под навершием, обнаружены абстрактные знаки: стоящий на рожах полумесяц находится над горизонтально лежащей балкой. Оба знака окружены боковыми лентами «столы». При продолжении раскопок вниз можно ожидать открытия других подобных рисунков (с. 146). На верхней кромке внутренней кольцевой стены Сооружения С, между столбами 24 и 36, обнаружена большая известняковая плита, на которой почти полностью сохранился горельеф притаившегося похожего на собаку скалящегося животного. Предположив, что плита была целенаправленно установлена именно в этом месте и эта стена однозначно не могла быть опорой для конструкции перекрытия, автор делает следующие выводы: Сооружение С, вероятно, представляло собой открытое сверху святилище, стены которого были увенчаны фигурами хищных животных, которым, очевидно, предписывалась магическая, отводящая беду функция (с. 151–152).

¹⁴ В более поздней работе Шмидт идентифицирует этот рельеф как изображение пустынного врана, представители вида которого и сегодня еще встречаются в регионе, достигая длины 1,5 м (Die steinzeitlichen Heiligtümer... S. 63).

¹⁵ *Yartah*. Tell 'Abr 3, un village... P. 146–147. Fig. 11–13.

¹⁶ *Cutting M. von. Wandmalereien und Reliefs im anatolischen Neolithikum. Die Bilder von Çatal Höyük // Vor 12.000 Jahren in Anatolien. Die ältesten Monumente der Menschheit. Karlsruhe, 2007. S. 128.*

Сооружение С, выделяющееся своими размерами и несколькими концентрическими круглоплановыми стенами из всех известных на сегодняшний день неординарных общественных строений эпохи докерамического неолита, отличается еще и наличием «дромоса». Так автор обозначает две почти под прямым углом ответвляющиеся на юг примерно параллельные стены, которые по бокам ограждают путь, ведущий ко второму внутреннему кольцу Сооружения С. Большая каменная плита лежит как запирающая перемычка поперек данного входа во внутреннюю часть Сооружения С. На ней зафиксирован рельеф лежащего на спине кабана. К югу перед каменной плитой дверного проема обнаружен U-образный монолитный каменный объект, сравнить который до сих пор не с чем. Скульптурное изображение хищного животного на западном его конце имело, очевидно, соответствующего двойника на восточной стороне – сейчас, однако, утерянного. Вероятно, вместе с первой плитой дверного проема он маркировал подход к Сооружению С. Как полагает Шмидт, хищные звери охраняли вход, а кабан в таком положении вполне мог быть визуальным предупреждением посетителю, что этот путь ведет в другую сферу – в мир мертвых (с. 153–157). В целом на этом участке среди скульптурных находок преобладают изображения диких животных в агрессивной позе. Шмидт их относит к категории «опасное явление» и считает, что они были установлены с апотропейной целью – отвести беду. Некоторые скульптуры трактуются как изображающие людей или животных, держащих человеческие головы. Такие находки в Гёбекли Тепе, по мнению исследователя, еще раз указывают на то, что здесь на первом месте были представления, связанные со смертью. Отсутствие же крупных апотропейных животных среди скульптур Невали Чори говорит в пользу того, что этому пункту отводилась совершенно иная функция, чем Гёбекли Тепе: один был пространством живых, другой предназначался для мертвых (с. 158–160). Вместе с тем наличие большого количества фаллических изображений – выразительных символов продолжения жизни – в материалах Гёбекли Тепе и собственно Сооружения С автор никак не объясняет.

Сооружение D имеет четкий овальный план, максимальный внутренний диаметр его составляет почти 20 м. Вероятно, в круге оно содержит 12 столбов. Оба центральных столба Сооружения D относятся к стелам типа Невали Чори. После полного завершения раскопок их высота будет значительно превышать 4 м над уровнем пола, а общая – более 5 м. Оба имеют на «груди» символы: восточный – последовательность знаков: две части, составляющие H-образную фигуру, далее круг и полумесяц, а западный – букранию. Данные символы двух отдельно поставленных столбов содержат важное послание своим современникам. Однако как понять его нам? – задается вопросом автор. Обозначает ли букрания мужчину, а составляющие H-образной фигуры, круг и полумесяц – женщину? В этом случае столб, обозначающий женщину, имеет под правой рукой лису, в то время как мужской столб (на сегодня) других атрибутов не имеет. Поскольку толкование символов по половым признакам так же спорно, как и другие попытки интерпретации, то наберемся терпения – призывает Шмидт. Может быть, однажды дополнительные параллельные находки позволят отдать предпочтение одному или другому решению, а возможно, мы никогда не выйдем за пределы описания находок (с. 165–171).

В Сооружении D столбы каменного круга почти полностью покрыты рельефами. Поражает даже не многочисленность образов животных, а их удивительные сценические группировки. В восточной половине круга на поверхности столбов помещены много змей, один бык, четыре лисы, одна газель и, вероятно, лев, два онагры, а также насекомые, возможно пауки, и скрытое кладкой животное, вероятно заяц. Обнаружена также пиктограмма в виде лежащей на боку буквы «Н» (с. 171–178). В западной половине круга фиксируются все шесть столбов. Раскопки 41, 42 и 43-го только начаты, однако на 43-м столбе два H-образных знака уже могут быть точно определены. Стелы 33 и 38 наиболее богато украшены. Помимо иных изображений, столб 38 на передней стороне стержня сразу под навершием демонстрирует букранию, рога которой слева и справа частично заступают на «столу». Это третье свидетельство мотива «букрания и стола», что уже отмечалось на столбах 2 и 31. Столб 33 полностью покрыт рельефами, в которых имеются интереснейшие композиции с птицами, змеями и абстрактными знаками. На его правой стороне снова (аналогично столбам 2 и 38) изображения журавлей, колени которых, нарушая законы природы, согнуты, как человеческие, будто фигуры танцуют. Оба похожие на журавля существа окружены большим количеством других изображений, среди которых неоднократно встречаются повернутые на 90° H-образные пиктограммы и две миниатюрные фигурки лиса. Крайне выразительно выглядит композиция «столы» передней грани стержня столба 33-го. Здесь с двух сторон выползающие змеи обрамляют своими головами вместе с расположенными над ними рядами углов полосу вертикально составленных изображений, которые Шмидт считает возможным называть иероглифами каменного века. Сверху вниз в среднем поле видны H-образный знак, три большие и две маленькие направленные к земле змеи, снова H-образный знак, фигура шестиногого насекомого, похожего на паука. Под насекомым снова змеи – три больших и одна маленькая. Под их головами находится миниатюрное смотрящее влево четвероногое животное, очевидно овца. В конце вертикального ряда опять появляется многоногое насекомое, вы-

полненное таким же образом, как и вышеотмеченное. Однако теперь оно имеет восемь ног, т.е. уже однозначно может быть названо пауком. Так как рельефы стелы продолжают под плитами скамьи, в которую был вмурован столб 33 и которая сейчас обозначает условную границу раскопок, то этот перечень является лишь фиксацией промежуточного результата. На боковых частях, закрытых до сих пор скамьей, очевидно, также находятся изображения. Уже сейчас видно, что как минимум один ряд змеиных голов внизу, на уровне плиты скамьи, ограничен повернутым на 90° Н-знаком (с. 178–187). Похожие на представленные рельефами Гёбекли Тепе вырезанные на камне ряды знаковых изображений насекомых и змей определяются Шмидтом среди материалов Северной Месопотамии на фрагменте сосуда PPNA времени из Кёртик Тепе и «выпрямителе стрел» из Телль Карамеля (с. 188–189). Так автор называет небольшой объект, который относится к группе артефактов, которые в российской археологической литературе за свои формальные характеристики именуется «утюжками» или «поперечно-желобчатыми изделиями». Вопрос о функциональном назначении этих объектов остается спорным. Однако во многих случаях они богато декорированы и, судя по всему, помимо своего утилитарного применения, имели votивное предназначение.

Главу IV Шмидт посвящает вопросам интерпретации полученного материала. В целом автор констатирует, что можно лишь попытаться приблизиться к пониманию картин и мира образов людей каменного века, поскольку наши традиционные методы для их восприятия не срабатывают.

Обращаясь к интерпретации зооморфных изображений III слоя Гёбекли Тепе – журавля, лиса, змеи и др., Шмидт непринужденно путешествует во времени и пространстве, затрагивая известные сюжеты Древнего Египта, греко-римской культуры, средневековой Европы, порой попадая даже в наши дни. В данном случае обращение к верхнепалеолитическим, неолитическим, энеолитическим и раннеписьменным культурам представляется наиболее продуктивным.

Автор полагает, что выразительные поведенческие характеристики рассматриваемых животных, известные уже в обществе охотников, сделали их важными образными канонами (с. 193–197). Такой подход, на наш взгляд, представляется заслуживающим внимания, однако понятно, что с его помощью возможно объяснение лишь малой части информации, хранящейся за зооморфными изображениями Гёбекли Тепе.

Шмидт отмечает, что одного только обращения к мифологии древневосточных цивилизаций недостаточно, чтобы реконструировать убедительную и понятную связь между этими сюжетами и изображениями в Гёбекли Тепе. Состояние археологических источников неолита и энеолита Передней Азии дает хорошие точки соприкосновения. Обращаясь к разработанной известным египтологом Яном Ассманом теории «культурной памяти», Шмидт говорит о возможности постепенного преодоления пути познания через каменные свидетельства от древних к более молодым эпохам; и тогда уже на определенном этапе может стать очевидной их связь с мифами и изображениями более позднего времени (с. 198). В частности, пауки, змеи, сколопендры, некоторые другие устойчивые образы северомесопотамской иконографии времен докерамического неолита встречаются на рисунках печатей Телль Саби Абияда (6800–6000 лет до н.э.), памятника Северной Сирии, который значительно моложе Гёбекли Тепе. Материалы Саби Абияда в свою очередь, помимо отмеченных мотивов, демонстрируют рисунки каменного козла. А демон с козлиной головой и телом человека фиксируется уже на печатях убейдского времени в Иране и Ираке V и IV тыс. до н.э., так же как и по-человечески танцующее черепахоподобное существо с рисунка печати из Тепе Гияна, которое очень напоминает изображение с фрагмента каменной чаши Невали Чори (с. 206–210). Можно добавить, что одно из древнейших для раннеземледельческих культур Двуречья изображение антропоморфа с украшенной рогами головой известно еще по рисунку обрядового сосуда G2 из халафского поселения Телль Арпация в Северной Месопотамии¹⁷.

Далее Шмидт дает краткий обзор открытых верхнепалеолитических образцов синкретических существ, замечая: во всем имеющемуся репертуаре добронзовых скульптурных и наскальных изображений мира есть люди с головами животных, но нет животных с головой человека. Исследования по данной проблематике показывают, что ключ к пониманию таких смешанных существ (людей с головами животных) лежит, по-видимому, в шаманизме (с. 216–220). Подобные образы раннего неолита – журавли с человеческими коленями (Гёбекли Тепе), танцующая на двух задних лапах черепаха, человек со змеей на голове и птичеловеки (Невали Чори), судя по этнографическим аналогиям, археологическим данным и ряду других косвенных свидетельств, с высокой долей вероятности обозначают шаманов в момент их ритуальных действий и превращений. На рисунках они, как правило, окружены другими персонажами.

По мнению Шмидта, понятие «иероглиф» («сакральный» и «знак») в его буквальном смысле вполне применимо к соответствующим знакам Гёбекли Тепе. Фонетизацию доказать нельзя и, оче-

¹⁷ Корниенко. Первые храмы... С. 116. Рис. 72.

видно, не следует ее ожидать. Данное обстоятельство – основное отличие символов Гёбекли Тепе от иероглифической *письменности*. Тем не менее специфически подобранная последовательность знаков с большой вероятностью давала своему осведомленному современнику из эпохи неолита хорошо считываемое послание. Автор выделяет 13 повторяющихся мотивов из коллекции уже открытых «иероглифов» Гёбекли Тепе, среди них отмечаются абстрактные знаки, маленькие фигурки животных и насекомых (с. 221–225). Но надо иметь в виду, что очищены далеко еще не все столбы даже в уже раскапываемых сооружениях А–D. Проведенное геомагнитное картографирование показало, что рядом с сейчас исследуемыми 4 сооружениями не менее 15 ждут своего открытия. Предполагается, что всего в Гёбекли Тепе более 200 мегалитических стел, из которых до времени выхода книги оказалось затронуто раскопками 43. На многих не открытых еще столбах обнаружатся рельефы и «иероглифы» каменного века. Когда станет доступна большая часть набора изображений, будет лучше понятен «синтаксис» языка образов в Гёбекли Тепе, а с ними и мир человека каменного века – замечает автор (с. 226). Разумеется, эти символы были здесь только частью сложной многоплановой коммуникационной, а также идеологически организующей людей системы. Действия вокруг Гёбекли Тепе основывались на коллективных связях в регионе. Возведение строительных сооружений данного комплекса требовало сплоченности и организации большого союза племен. Изображения и знаки, которые обнаружены в Гёбекли Тепе, а также в других памятниках докерамического неолита Верхней Месопотамии, очевидно, могут быть объяснены лишь при исследовании всего комплекса свидетельств социальной, духовной и материальной жизни их создателей. Как далеко в историю уходит данная система и как долго сохранялась основа культурной памяти X тыс. до н.э. в последующие эпохи – это вопросы, которые еще только предстоит решать в будущем. Археологические материалы Гёбекли Тепе, предоставившие свидетельства специфической формы языка символов, фиксируют прекращение функционирования этого ритуального центра около 8000 г. до н.э.

Последним периодом жизни на телле посвящена глава V «Поздние слои Гёбекли Тепе и конец святины охотников». Засыпка сооружений слоя III имеет антропогенное происхождение. Она была произведена еще в период PPNB. Более поздняя застройка относится к слою II¹⁸, свидетельства которого во многом отличаются от древнейшего уровня. Однако главный символ слоя III – Т-образный столб, подчеркивает автор, продолжает свою жизнь и в слое II. Теперь столбы имеют высоту «всего» 1–2 м и по многим параметрам уступают характеристикам колоссов более древнего времени (с. 228).

Слой II обнаружен в двух не связанных между собой секторах раскопа. В восточной части сооружений А и В он перекрывает их на высоте наверх столбов и состоит в основном из небольших прямоугольных помещений. Второй сектор раскопок, где выявлены свидетельства застройки слоя I, вклинивается в юго-восточную вершину холма. Если что-нибудь в Гёбекли Тепе на сегодняшний день и указывает на возможно жилое использование строений, пишет Шмидт, то это одно из сооружений отмеченного сектора, где стелы пока не встречены. Но поскольку все открытые его помещения имеют высококачественные мозаичные полы, то и тут крайне сложно увидеть обычное жилое пространство. Здесь также фиксируются выступающие из стен помещений пилястры, а кроме того, скульптурный фрагмент человеческого торса, каменные плиты, примыкающие к стенам, что служит аргументом в пользу культовой принадлежности этого сооружения. Отсутствуют печи или очаги, характерные для жилищ. В целом на Гёбекли Тепе они пока ни разу не встречены. Что касается обнаруженных в этих структурах ступок и вообще большого количества ступок среди находок Гёбекли Тепе, замечает автор, то они вполне могли служить для приготовления пищи, а также лекарств или наркотиков. Для места с преимущественно ритуальной функцией, что для Гёбекли Тепе уже доказано, здесь ничего удивительного нет. Остановимся на том, заключает Шмидт, что мы точно не знаем, какое назначение выполняло «Здание без столбов» (с. 228–232).

В восточном ареале этого сектора исследовано больших размеров прямоугольное помещение с мозаичным полом и четырьмя отдельно стоящими Т-образными столбами. В середине южной стены вмурованным в нее обнаружен столб типа Невали Чори. Пространственно он соответствует сложенному из камней пилястру, выступающему из поверхности северной стены (с. 233). Данный факт согласуется с высказывавшимся нами раньше предположением о функциональной идентичности и взаимозаменяемости столбов и пилястр в общественных сооружениях культового характера PPN времени.

Оба восточных столба рассматриваемого помещения имеют рельефные изображения приготовившихся к прыжку крупных представителей семейства кошачьих, благодаря чему постройка получила

¹⁸ Слой II содержит свидетельства эпохи раннего и среднего докерамического неолита В (EPPNB и MPPNB), в абсолютных датах определяется 8800–8000 годами до н.э., даты калиброванные. Верхний слой I представляет почти исключительно осадочные материалы и артефакты слоев II, III в переотложенном состоянии (*Schmidt. Die steinzeitlichen Heiligtümer...* S. 61).

название «Здания с львиными стелами». Южнее нее обнаружено еще одно немного меньшее, однако очень похожее помещение с четырьмя столбами без рельефов (с. 233–234).

Среди скульптур слоя II преобладают антропоморфные объекты: фрагментарно сохранившиеся торсы, отбитые головы и снова фаллосы. Число изображений диких животных по сравнению с объектами слоя III значительно уменьшается. В «Здании с львиными стелами» обнаружено изображение, явно выделяющееся из всех других свидетельств ближневосточного докерамического неолита. Между столбами с рельефами львов находится одноступенчатая, похожая на лестницу конструкция, ведущая от мозаичного пола к возвышающейся скамье, в которую вмурованы столбы. На плите-ступеньке выявлено процарапанное изображение анфас сидящей на корточках обнаженной женщины с расставленными в стороны согнутыми руками и ногами и с гипертрофированными половыми органами. Этот выразительный рисунок Шмидт сопоставляет с известным по этнографическим данным явлением макромимии, а также с персонажами североафриканского наскального искусства, называемыми «Дженун», которые, по его мнению, могут считаться родственниками демона с козлиной головой. Автор отмечает их известную сексуальную активность. Шмидт озадачен присутствием такого рисунка в «Здании с львиными стелами», предполагая случайность там его нанесения (с. 235–239). С этим никак нельзя согласиться, учитывая место его расположения и вспомнив о наличии процарапанных рисунков в Сооружении В Гёбекли Тепе, В2 Телль Абра 3, ЕА 53 и ЕА 100 Жерф эль Ахмара, о чем подробно мы говорили выше. Такие данные, как и некоторые другие материалы памятника, противоречат базовому предположению Шмидта о том, что комплекс Гёбекли Тепе был посвящен культу мертвых. Судя по представляемым в самой рецензируемой книге свидетельствам, осуществлявшиеся здесь обрядовые практики были гораздо шире поклонения исключительно культу мертвых и, помимо прочего, включали в себя обряды, способствовавшие рождению и плодородию в широком смысле этих понятий. Они должны были обеспечивать развитие и процветание совершавших их коллективов, а также будущих поколений, что в значительной степени зависело, естественно, от непрерывности связей между живыми и умершими родственниками, но в целом было направлено на поддержание настоящего и будущего благополучия обслуживающих этот ритуальный центр племен.

Полученные в ходе раскопок данные убедительно показывают, что Гёбекли Тепе являлся не просто ритуальным местом, а главным культовым центром округа. Шмидт полагает, что здесь собирались люди из соседних в радиусе 200 км вокруг Гёбекли Тепе поселений: Чейеню, Невали Чори, Телль Абра, Мурейбита, Жефр эль-Ахмара, Телль Карамеля и, наверное, многих других, остатки которых пока не обнаружены (с. 252). Названные памятники действительно демонстрируют удивительное родство и даже определенную степень стандартизации в наличествующем комплексе различных категорий объектов материальной культуры¹⁹. Однако для проверки этой гипотезы, при опоре на результаты радиоуглеродных исследований и имеющиеся коллекции археологических свидетельств, в случае с каждым отдельным поселением в будущем необходимы уточнения. Если она подтвердится, еще один основной тезис автора – об «обществе охотников Гёбекли Тепе» – потребует корректировки, поскольку на некоторых из вышеперечисленных памятников в настоящее время материально уже зафиксированы данные перехода к производящим формам хозяйства²⁰.

Шмидт полагает, что свидетельства Гёбекли Тепе могут явиться материальным подтверждением высказанной ранее и быстро ставшей широко обсуждаемой теории Жака Ковена, которая ведущую роль в процессе неолитизации отводит не экономическим или технологическим механизмам, а изменению общественного сознания или «революции символов»²¹, в противовес господствовавшей долгое время «теории оазисов» Гордона Чайлда²². Последняя видела мотивацию к развитию человеческих коллективов в недостатках окружающей среды. Однако современный уровень знаний показывает, что мезолитические охотники и собиратели Верхней Месопотамии жили как раз в крайне благоприятном климате раннего голоцена. Данные Гёбекли Тепе, как отмечает Шмидт, демонстрируют возможность существования крупных межплеменных ритуальных центров еще до утверждения

¹⁹ В отношении строительства общественных сооружений, а также некоторых объектов культового предназначения подробнее см. *Корниенко. Первые храмы...* С. 16–84; *Kornienko. Notes...* Р. 81–101.

²⁰ Например, в Невали Чори начиная с самых ранних слоев PPNA фиксируются свидетельства возделывания хлебных злаков (пшеницы-двузернянки) и бобовых растений (чечевицы, гороха, вики и др.), а также разведения коз и овец при сохранении основной роли за охотой и собирательством в пополнении пищевых ресурсов населением (*Hauptmann H. The Urfa Region // Neolithic in Turkey: the Cradle of Civilization: New Discoveries. İstanbul, 1999. P. 78*).

²¹ *Cauvin J. Naissance des divinités, naissance de l'agriculture. La révolution des symboles au Néolithique. P., 1994.*

²² *Childe V.G. Man Makes Himself. L., 1936; 1951².*

оседлости и производящих форм хозяйства. Помимо религиозной сопричастности такие центры удовлетворяли потребность представителей разных охотничьих племен в товарообмене и вербальной коммуникации. Всеобщие сборы для особых обрядовых действий, как и собственно грандиозное строительство данного культового центра приводили к концентрации людей, идей и обмену опытом на определенной территории. С одной стороны, это способствовало выработке новых социальных взаимоотношений, производственной специализации и разделению труда, а с другой – ставило в конечном итоге вопрос об обеспечении на значительный период времени большого количества людей питанием, о рациональном использовании имеющихся в наличии ресурсов окружающего пространства. Именно такое скопление в течение длительного времени большого количества людей по причине существования древнего межплеменного культового центра, как это иллюстрируют материалы Гёбекли Тепе и соседних памятников, по мнению Шмидта, в конкретном регионе привели к постепенному установлению контроля человека над природными ресурсами и их воспроизводству. Но когда изменились экономические основы, а также весь образ жизни населения округа, старый ритуальный центр союза охотничьих племен, исчерпав свои организационные и идеологические возможности, придя в несоответствие с действительностью, в конце концов был оставлен (с. 255).

Можно заключить, что объекты символического содержания, весьма и весьма выразительные, неожиданные во многих отношениях для эпохи докерамического неолита, действительно внесли много нового в понимание механизмов «неолитической революции». Представляемый же материалами Гёбекли Тепе и синхронных ему поселений Северной Месопотамии сценарий перехода от древнего к новому каменному веку с очагом в межплеменном ритуальном центре, очевидно, являлся одним из возможных, но, безусловно, не единственным вариантом развития первых стадий процесса неолитизации в переднеазиатском регионе. Данный тезис будет еще уточняться дальнейшими исследованиями этих территорий. Такая конкретизация в вопросах осуществления «неолитической революции» для отдельных областей Ближнего Востока является весьма перспективным направлением современной науки о преемственности человечества.

Остается добавить, что открытия в Гёбекли Тепе, освещенные в рецензируемом издании, предназначенном для немецких читателей, получили широкое признание научной общественности и читающей публики во всем мире. В общей сложности за последующие три года эта работа трижды переиздавалась в Германии и разошлась невиданным для научно-популярной книги тиражом в 10 000 экземпляров. В 2007 г. монография вышла на турецком языке. В настоящее время готовится польский ее перевод, а также издание в России силами Санкт-петербургского издательства «Алетейя». Хочется верить, что этот проект в нашей стране получит свое завершение. Ознакомление с результатами новейших исследований на Гёбекли Тепе, изложенными руководителем раскопок К. Шмидтом, несомненно, будет полезным для всех интересующихся древней историей русскоязычных читателей.

Т.В. Корниенко

© 2010 г.

Art et archéologie des monastères gréco-bouddhiques du Nord-Ouest de l'Inde et de l'Asie centrale. Actes du colloque international du Crpoga (Strasbourg, 17–18 mars 2000). Éd. par Z. Tarzi et D. Vaillancourt. Paris: De Boccard, 2005. 317 p.

Хотя рецензируемый сборник был опубликован несколько лет назад, все же представляется полезным дать о нем краткую информацию в ВДИ. Дело не только в том, что сборник интересен сам по себе, но и в том, что новая западная литература в наших библиотеках появляется и становится доступной российским читателям редко и поздно и поэтому есть смысл проинформировать их хотя бы и с некоторым опозданием.

Сборник открывается небольшим введением З. Тарзи. Автор кратко напомнил в нем об основных этапах дискуссии относительно происхождения искусства Гандхары и, в частности, о роли концепции Д. Шлюмберже, которая позднее была подтверждена открытиями в Ай Ханум.

Э.Д. Бивар в статье «Космополитические аллюзии в искусстве Гандхары» начинает рассмотрение проблемы с перечисления тех несомненно греческих образов и сюжетов, которые зафиксированы в искусстве Гандхары: богиня Афина (Лахорский музей), троянский конь, Андрокл и лев, Ганимед, уносимый орлом, похищение Эгины Зевсом. Затем Э.Д. Бивар указывает, что в Гандхаре помимо